

Петръ Великій Императоръ Россіи въ Голландіи и въ Заандамѣ въ 1697 и 1717 гг. ¹⁾

Прибытіе великаго посольства на территорію Голландіи и пріемъ его.

Между тѣмъ, 25 іюня въ Гаагѣ было получено отъ Царя письмо къ Генеральнымъ Штатамъ Голландіи и чрезъ прокурора передано государственному секретарю *Фателю*. Бургомистрамъ города Амстердама было поручено перевести это посланіе, чтобы каждый былъ ознакомленъ съ его содержаніемъ.

Чрезъ недѣлю послѣдовалъ отвѣтъ Генеральныхъ Штатовъ съ извѣщеніемъ, что присылка посольства будетъ пріятна Штатамъ и что оно будетъ принято со всѣми тѣми почестями, которыя обычно оказываются по отношенію къ посланникамъ великихъ державъ.

Такъ какъ можно было предполагать, что посольство уже приближается къ границамъ Голландіи, то представлялось необходимымъ поспѣшить принятіемъ мѣръ какъ къ встрѣчѣ посольства, такъ и къ устройству для него соответственнаго помѣщенія, тѣмъ болѣе, что это послѣднее представлялось довольно затруднительнымъ въ виду именно того, что въ это время, по случаю мирныхъ переговоровъ въ Рисвикѣ, въ Гаагу понаѣхало очень много посланниковъ другихъ Дворовъ, а также большое число и другихъ знатныхъ иностранныхъ особъ. Въ эти времена существовалъ, въ отношеніи пріема и содержанія иностранныхъ пословъ, особо строгій этикетъ, которому придавалось при европейскихъ дворахъ большое значеніе и который требовалъ крайней внимательности и за-

¹⁾ См. „Русская Старина“, январь 1916 г.

ботливости, чтобы, при приемѣ посла одного государя и оказаніи ему требуемыхъ, по сану его, почестей — не произошло какого-либо умаленія достоинства по отношенію къ другимъ государямъ. Въ виду этого и въ ожиданіи пріѣзда московскаго посольства, старались возвеличить, насколько было возможно, блескъ этого посольства, выдавая его за одно изъ самыхъ внушительныхъ, какія только когда-нибудь принимались Голландскою республикою. Благоразуміе требовало не разглашать о личномъ присутствіи въ посольствѣ самого Царя; но зато озаботились распространить слухъ, что въ посольство входятъ три вице-короля; такъ было истолковано званіе губернаторовъ новгородскаго, сибирскаго и волховскаго (?).

Роскошный дворецъ графа Іогана Мориса, обычно называемый „домомъ принца Мориса“ и предназначавшійся для приема посольствъ, былъ въ это время занятъ полномочными министрами великихъ державъ, прибывшими въ Голландію для заключенія мирнаго договора, въ виду этого секретарь генеральныхъ штатовъ *Розенбумъ* нанялъ для русскаго посольства отель „Старый Дулень“, а изъ опасенія, что одного этого зданія будетъ мало для размѣщенія такой значительной свиты, какая ожидается, къ нему присоединили „Новый Дулень“.

Ихъ Высокомочія (Голландскіе генеральные штаты), предвидя, что обычно отпускаемая на содержаніе посольствъ сумма будетъ недостаточна для покрытія чрезвычайныхъ расходовъ, вызываемыхъ пріѣздомъ Царя, предложили Государственному Совѣту войти съ представленіемъ объ ассигнованіи, на покрытіе тѣхъ расходовъ, особаго кредита, исчисленнаго ими въ 100.000 гульденовъ.

На четырехъ членовъ генеральныхъ штатовъ было возложено попеченіе о всемъ потребномъ для приема и содержанія посольства. вмѣстѣ съ тѣмъ заблаговременно было сдѣлано сношеніе съ государственнымъ министромъ, котораго просили собрать всѣ свѣдѣнія какъ относительно числа лицъ, составляющихъ свиту, такъ и относительно предполагаемаго времени прибытія посольства. Однако, отвѣты на эти вопросы, вслѣдствіе раздѣленія посольства на двѣ отдѣльныхъ партіи, а также вслѣдствіе необычнаго способа путешествованія, были очень не полны и не точны. Но все-таки узнали, что члены посольства имѣютъ намѣреніе проѣхать къ Везелю.

Гофмейстеръ двора Фридрихъ Гессельтъ *ванъ-Динтеръ*, къ вѣдѣнію котораго относились встрѣча пословъ и устройство церемоніала, получилъ приказаніе отправиться въ Клеве съ

серебряными топорами и большими саблями въ серебряной оправѣ.

Лефортъ и князь *Меншиковъ* заняли мѣсто въ первой каретѣ, а остальные послы — во второй каретѣ. За ними слѣдовалъ длинный рядъ придворныхъ служителей въ красныхъ ливреяхъ съ серебряными галунами. Послѣ того ѣхали кареты бургомистровъ, запряженныя четверкою и предшествуемыя городскими курьерами; около этихъ каретъ шла прислуга въ ливреяхъ; блистательный кортежъ заканчивался болѣе чѣмъ пятьюдесятью другими каретами, предназначенными какъ для посольской свиты, такъ и для усиленія помпы.

Царь присоединился къ посольству въ качествѣ одного изъ дворянъ при этомъ посольствѣ и занялъ мѣсто въ одной изъ послѣднихъ каретъ, рѣшительно заявивъ желаніе сохранить полное инкогнито.

Длинные кафтаны русскихъ бояръ, у нѣкоторыхъ изъ нихъ изъ золотой парчи, унизанной жемчугомъ, а у большинства — отороченные драгоценными мѣхами; ихъ высокія шапки изъ лисьяго мѣха, подобно ихъ одеждѣ и ихъ кривымъ саблямъ, блестяшія жемчугомъ и драгоценными камнями, — весь этотъ блескъ и это богатство не могли не вызывать всеобщаго вниманія и восхищенія. И неудивительно, что желающихъ взглянуть на невиданную роскошь собралось несмѣтное множество народу.

Пословъ повезли по лучшимъ кварталамъ города, по направленію къ гостиницѣ, носившей названіе „Отель для иностранныхъ пословъ“. Въ видѣ почетной стражи было поставлено подъ оружіе 16 ротъ національной гвардіи; предъ самымъ зданіемъ, назначеннымъ для посольства, расположенъ былъ почетный караулъ изъ чиновъ мѣстнаго гарнизона. И въ остальномъ ничего не было забыто или упущено, что могло сдѣлать пріятнымъ пребываніе въ Амстердамѣ Царя и посольства.

На слѣдующій день, послѣ полудня, посольство посѣтило зданіе городской думы, гдѣ уже собрались бургомистры, чтобы принять гостей и показать имъ во всѣхъ деталяхъ это чудное произведеніе голландской архитектуры.

Около 5 часовъ вечера отправились, съ большимъ церемоніаломъ, въ 12-ти каретахъ, въ театръ, гдѣ въ этотъ день давали чрезвычайное представленіе, по окончаніи котораго данъ былъ роскошный ужинъ. Въ немъ приняли участіе знатнѣйшія правительственныя лица со своими супругами и дочерьми.

Театральный спектакль состоялъ изъ двухъ пьесъ: „Волъ

шебства Армиды“ и комедіи „Мнимый адвокат“, съ балетомъ въ антрактѣ.

Слѣдующіе два дня были употреблены посольствомъ на посѣщеніе верфей и складовъ адмиралтейства и зданія Остъ-Индской компаніи, а также на приѣмъ членовъ этой компаніи. Въ четвергъ былъ данъ отъ города посламъ и знатнѣйшимъ лицамъ изъ Свиты роскошный обѣдъ, во время котораго играли трубы и литавры. Вечеромъ всѣ приглашенные отправились въ Кольвенирсь-Дулэнъ, чтобы присутствовать на великолѣпномъ фейерверкѣ, который былъ устроенъ на Бинненъ-Амстелѣ, на особо приготовленномъ большомъ плоту, изображавшемъ громадный утесъ изъ чернаго мрамора. Центральною фигурою для фейерверка служила тріумфальная арка, построенная по эскизамъ знаменитаго голландскаго архитектора Стевена *Веннекала* и украшенная *Мушерономъ* аллегорическими изображеніями славы и величія російскаго Монарха.

Но хотя Царь, сохраняя полное инкогнито, и присутствовалъ лично на всѣхъ этихъ торжествахъ и во всѣхъ развлеченияхъ, но скоро рѣшилъ, что подобное препровожденіе времени никоимъ образомъ не соотвѣтствуетъ существеннѣйшимъ цѣлямъ его пребыванія въ Голландіи.

Новыя сношенія Царя съ бургомистромъ Витценомъ.

Одною изъ наиболѣе пріятныхъ для *Петра* встрѣчъ было, конечно, личное знакомство съ Николаемъ *Витценомъ*, человекомъ, которому онъ былъ такъ много обязанъ и въ ранней юности, да и впослѣдствіи.

Витценъ, ко времени приѣзда Царя въ Голландію, пользовался не только общимъ уваженіемъ со стороны своихъ согражданъ за щедрую благотворительность его и за привѣтливый его характеръ, но его почитали и всѣ друзья наукъ и коммерческихъ знаній какъ ревностнѣйшаго покровителя всего того, что было важно для развитія ихъ; онъ поощрялъ молодыхъ художниковъ, оказывалъ имъ поддержку, возбуждалъ во всѣхъ энергію; онъ хлопоталъ о снаряженіи большихъ и требовавшихъ значительныхъ расходовъ экспедицій съ научными и коммерческими цѣлями. Будучи членомъ высшаго управленія, онъ пользовался, въ то же время, величайшимъ уваженіемъ за свою неизмѣнную честность, строгую лояльность и высокую любовь къ отечеству, вызывавшую уваженіе къ нему одинаково всѣхъ партій, безъ различія ихъ политическаго направленія.

Такимъ образомъ, съ прибытіемъ великаго посольства, личныя отношенія Витцена къ Царю и къ Россіи пріобрѣли особую важность, какъ въ интересахъ общегосударственныхъ, такъ и спеціально для его родного города Амстердама, и никто другой не былъ болѣе расположенъ использовать эти благопріятныя обстоятельства къ благу своихъ согражданъ.

Особая комиссія изъ членовъ генеральныхъ штатовъ, на которую возложены были всѣ хлопоты, сопряженныя съ пріѣздомъ великаго Московскаго посольства, уже въ самомъ началѣ вошла въ соглашеніе съ Витценомъ и просила его, прежде всего, найти нужныхъ, въ виду этого пріѣзда, русскихъ переводчиковъ. Витцену уже и раньше приходилось оказывать Амстердаму разнаго рода услуги по сношенію съ русскими, напр., при улаживаніи тѣхъ или другихъ недоразумѣній, возникавшихъ, въ предыдущіе пріѣзды русскихъ, съ нѣкоторыми изъ знатныхъ лицъ, именно съ тѣми, которыя, отдѣлившись отъ главнаго корпуса посольства, пріѣзжали въ Амстердамъ раньше другихъ и требовали, чтобы ихъ устроили въ отношеніи помѣщенія и содержанія.

Теперь же, когда въ Амстердамѣ находился самъ Царь, естественно, что кругъ дѣятельности и заботъ *Витцена* еще болѣе расширился. Мы полагаемъ, что имѣемъ основанія утверждать, что *Петръ*, во время пребыванія своего въ Голландіи, во многихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ своихъ слѣдовалъ добрымъ совѣтамъ и указаніямъ Витцена; такъ, напр., удачно выполненное дѣло по отысканію опытныхъ и знающихъ разныя отрасли мастерства учителей, въ которыхъ нуждался Царь,—несомнѣнно было совершено подъ руководствомъ именно Витцена.

Сношенія съ Витценомъ были тѣмъ пріятнѣе Царю, что личныя занятія бургомистра такъ странно совпадали съ главнѣйшими цѣлями его путешествія въ Голландію. Дѣйствительно, отъ кого онъ могъ получить больше свѣдѣній относительно кораблестроенія, какъ не у него, издавшаго „Полную исторію древнѣйшаго и современнаго судостроенія и судоправленія“¹⁾? У кого онъ лучше могъ удовлетворить свою любознательность въ отношеніи мореплаванія и торговли, какъ не у человѣка, разобравшаго и издавшаго въ свѣтъ массу регламентовъ, касающагося лоцманскаго дѣла, морскихъ аварій, берегового права и многихъ другихъ вопросовъ по морскому дѣлу; притомъ, этотъ же человѣкъ былъ обладателемъ замѣчательнѣйшей кол-

¹⁾ Произведеніе это вышло въ свѣтъ въ 1671 г. *Прим. автора.*

лекціи разныхъ предметовъ по машиностроенію, касающихся какъ спеціально строенія судовъ, такъ и постройки всевозможныхъ фабрикъ; наконецъ, гдѣ онъ могъ найти болѣе благопріятный случай встрѣтиться съ людьми, богатыми научными знаніями въ тѣхъ отрасляхъ, которымъ они посвятили себя, какъ не у человѣка, пользовавшагося славою Мецената, всегда окруженнаго, или находившагося съ ними въ сношеніяхъ, учеными и художниками?

Петръ нашелъ, кромѣ того, именно у *Витцена*,—въ это время усердно продолжавшаго собирать матеріалъ для пополненія и развитія уже оцѣненнаго по достоинству капитальнаго его труда: „Сѣверная и восточная Татарія“, — болѣе научныхъ свѣдѣній, касавшихся его собственнаго государства, чѣмъ гдѣ-либо у себя или за границею, въ другомъ какомъ-либо научномъ сочиненіи. Вотъ почему и не удивительно, что *Петръ* ни у кого другого не проводилъ время съ большимъ удовольствіемъ, чѣмъ у *Витцена*; высокая честность и просвѣщенность этого послѣдняго привлекали къ нему Царя и заставляли его уважать *Витцена* какъ лучшаго своего учителя, преданнѣйшаго друга и опытнѣйшаго совѣтника.

Петръ на верфи Остъ-Индской компаніи.

Петръ не могъ скрыть досады своей, что его намѣреніе поселиться въ Заандамѣ и работать тамъ скрытно на корабельной верфи—окончилось неудачею; но онъ все-таки не хотѣлъ отказаться отъ своего желанія поучиться практически кораблестроительству въ качествѣ простаго плотника, и такъ какъ *Витценъ* въ это время былъ однимъ изъ директоровъ Остъ-Индской компаніи, то *Петру* незначѣмъ было далеко искать—и онъ обратился къ *Витцену*, который и посовѣтовалъ Царю просить администрацію компаніи, чтобы ему отвели жилище на самой верфи, гдѣ онъ могъ бы видѣть самъ всю работу по постройкѣ новаго галіота или фрегата съ самаго начала такой работы, и чрезъ это имѣлъ бы возможность изучить практически все то, что требуется для полной постройки судна.

29 августа переводчикомъ Царя *ван-дер-Гульстомъ*, отъ имени великаго посольства, было доложено о такомъ желаніи *Петра* чрезвычайному собранію директоровъ названной компаніи, которые съ величайшею любезностью и дали на это свое согласіе. Домъ мастера канатнаго производства на Оостенбургѣ былъ признанъ наиболѣе пригоднымъ для пребыванія нѣкоторой *высокой*

передающей весьма реально главнѣйшіе эпизоды примѣрнаго морского боя.

Уже начиная съ субботы, стали приниматься разныя подготовительныя мѣры: не только обратились къ всѣмъ владѣльцамъ специальныхъ для прогулокъ судовъ съ предложеніемъ присоединить свои яхты и бухты къ городской флотиліи Амстердама, но были собраны также и такія яхты, на которыхъ могли быть размѣщены артиллерійскія орудія, и, наконецъ, были взяты и другія суда разныхъ видовъ, на которыя посадили нѣсколько ротъ волонтеровъ изъ состава національной гвардіи Амстердама, волонтеры эти должны были поддерживать непрерывный мушкерный огонь во все время морского сраженія.

Устройство зрѣлища приморскаго боя было возложено на знаменитаго адмирала *Гиллеса Шея*, который долженъ былъ руководить и всѣми дѣйствіями на морѣ. Въ субботу произведены были судовые маневры съ сигнализаціями, на которыхъ присутствовалъ скрытно и Царь.

На слѣдующій день, рано утромъ, флагъ адмирала взвился на яхтѣ стадгаудера флисландскаго, на бортѣ которой находился и начальникъ эскадры—*Шей*. Была прекрасная погода, дулъ свѣжій вѣтеръ, благопріятный для парусныхъ судовъ; благодаря всему этому, наплывъ зрителей у плотины Бѣйкслотъ къ Дургердаму и начиная отъ города до Зеебурга, а также на заливѣ И., съ массою судовъ разнообразнѣйшихъ типовъ, казавшихся какъ бы лѣсомъ изъ мачтовыхъ деревьевъ, украшенныхъ флагами и вымпелами, былъ такъ громаденъ, что никогда еще ничего подобнаго не видѣли до сихъ поръ въ Амстердамѣ.

Царь находился вмѣстѣ съ членами посольства и бургомистрами на большой яхтѣ Остъ-Индской компаніи, на бортѣ которой было приготовлено, на городской счетъ, роскошное угощеніе. Около полудня, яхта эта, богато убранная и сопровождаемая другими большими яхтами, подняла свои паруса и направилась къ расположившейся уже передъ Шеллингауде, въ боевомъ порядкѣ, флотиліи судовъ и послѣ того какъ эти послѣднія привѣтствовали высокое общество многочисленными орудійными выстрѣлами, началось примѣрное сраженіе на морѣ: сначала произошла атака въ линію, затѣмъ послѣдовали отдѣльные бои между судами: абордажъ, отступленіе, пораженіе, захватъ корабля и прочее, что могло дать полную картину морского сраженія. Все это въ такой степени понравилось Царю и увлекло его, что онъ перескочилъ съ яхты на военное судно и все время направлялъ форштевень его въ ту сторону, гдѣ, казалось, бой

шелъ ожесточеннѣе. Стрѣльба артиллеріи, особенно съ батареями на Кеервеерѣ и съ другихъ городскихъ батарей, была такъ оглушительна и непрерывна, что, по свидѣтельству одного очевидца, слухъ и зрѣніе—отказывались больше служить. Царь остался необыкновенно довольнымъ.

Пребываніе Царя на верфи.

Царю очень понравилось то помѣщеніе, которое было отведено ему на верфи; онъ поселился здѣсь съ небольшою свитою, въ числѣ которой находились князь *Баратіонъ* и, вѣроятно, также графъ *Петръ Апраксинъ*, впоследствии генераль-адмиралъ. Первый изъ нихъ пользовался особымъ расположеніемъ Царя, вслѣдствіе того, что умѣлъ угождать ему и во всѣхъ дѣйствіяхъ и поступкахъ своихъ всегда сообразовался съ волею и приказаніями Монарха. Обладая вражденнымъ ему даромъ наблюдательности, онъ быстро усваивалъ и запоминалъ всѣ техническіе термины по кораблестроенію и мореплаванію и въ скоромъ времени сдѣлался искуснымъ и опытнымъ морякомъ.

Въ первое время Царь пользовался столомъ отъ посольскаго Двора, но скоро это ему надоѣло и онъ завелъ свое собственное ховяйство. Привыкнувъ вставать рано, онъ не имѣлъ определеннаго времени для обѣда, а садился за столъ, когда чувствовалъ голодъ; тогда онъ самъ разводилъ огонь и самъ же готовилъ себѣ кушанье. Во всемъ онъ жилъ какъ простой корабельный плотникъ и любилъ, чтобы его называли *Питеромъ Тиммерманомъ* (плотникомъ) *заандамскимъ*.

Въ 1754 г. жилъ еще одинъ, вполне заслуживающій вѣры, командиръ, который рассказывалъ, что много разъ видывалъ Царя работающимъ въ обыкновенномъ рабочемъ костюмѣ; когда случалось, что кто-нибудь подходилъ къ нему, во время работы, чтобы поговорить съ нимъ, то Царь, кладя топоръ у ногъ, присаживался, тутъ же, гдѣ-нибудь на обрубкѣ дерева; однакожь разговоръ не долженъ былъ слишкомъ затягиваться, въ противномъ случаѣ—Царь обрывалъ бесѣду и возвращался къ своей работѣ, снова берясь за топоръ.

Одно очень важное лицо, желая видѣть Царя за работою, оставаясь самъ не замѣченнымъ имъ, обратился съ этою цѣлью къ старшему мастеру. Этотъ обѣщалъ указать ему Царя, назвавъ его по имени. Нѣсколько минутъ спустя, проходило нѣсколько судовыхъ рабочихъ, несшихъ тяжелый обрубокъ дерева. Старшій мастеръ спросилъ: „Питеръ Тиммерманъ

заандамскій, почему ты не помогаешь нести?“ Тотчасъ же Петръ, повинаясь этому приказанію, подставилъ свое плечо подъ дерево и понесъ его куда было указано.

Ничто не настраивало его здѣсь и въ Заандамѣ болѣе благодушно, какъ то, если его называли просто *Питеръ-баасъ* (мастеръ Петръ); но зато онъ поворачивался спиною къ тому, кто называлъ его „Ваше Величество“ въ то время, когда онъ былъ въ костюмѣ корабельнаго плотника.

Въ первые дни своего пребыванія на верфи Царь получилъ изъ Россіи письмо отъ патріарха; въ своемъ отвѣтѣ онъ, между прочимъ, написалъ патріарху, что, живя въ Амстердамѣ, онъ точно слѣдуетъ данной Адаму заповѣди Божіей: „въ погѣ лица твоего будешь снискивать хлѣбъ твой“.

Учителя и наставники.

Въ виду желанія Петра усовершенствоваться въ изученіи математики и штурманскаго искусства, а также въ рисованіи кораблей, *Витценъ* рекомендовалъ ему лучшихъ учителей. Таковыми были по первымъ двумъ предметамъ—Янъ Альбертсоонъ *ванъ-Дамъ*, весьма свѣдущій человѣкъ, пріобрѣвшій очень громкую извѣстность многочисленными своими трудами о штурманскомъ искусствѣ. Для обученія искусству корабельнаго рисованія былъ приглашенъ Адамъ *Сило*, человѣкъ, неимѣвшій, кажется, себѣ равнаго по необыкновенному трудолюбію своему и влеченію ко всевозможнымъ искусствамъ и ремесламъ. Въ рисованіи кораблей и морскихъ картъ онъ строго держался законовъ математическихъ, и такъ какъ всему тому, что онъ объяснялъ, онъ всегда готовъ былъ представить достаточныя доказательства и никогда не отказывался отвѣчать ни на какіе бы то ни было вопросы, то, понятно, что подобный учитель долженъ былъ особенно нравиться такому неутомимому въ разспросахъ ученику, какимъ былъ *Петръ*. Что касается до кораблестроенія, то лучшими уроками для Царя служили ежедневныя сношенія его съ такими знаменитыми строителями судовъ, какъ: Гендрикъ Якобсонъ *Кардинаалъ*, Якобъ Теллисонъ *ванъ-Рененъ* и Питеръ *Пооль*, первые двое были родомъ изъ Заандама и завѣдывали адмиралтейскою верфью; а третій управлялъ верфью Остъ-Индской компаніи, и всѣ они пользовались репутаціею блестящихъ дѣятелей каждый въ своей сферѣ. Царь пользовался также уроками извѣстнаго Якобсона *Вейзелера* родомъ изъ Герлигена, въ молодости своей участво-

вавшаго въ знаменитой экспедиціи адмирала *Рейтера* въ Зундъ и пріобрѣвшаго славу великаго строителя судовъ; благодаря своимъ познаніямъ и опытности, впоследствии онъ былъ приглашенъ *Витценомъ* на особую службу, гдѣ примѣненіе его практическихъ, а равно и теоретическихъ знаній принесло Витцену большую пользу при его работахъ по составленію трактата о судостроеніи. *Витценъ* ввѣрилъ ему также завѣдываніе своимъ богатѣйшимъ кабинетомъ научныхъ инструментовъ. Теперь онъ былъ уже въ очень пожилыхъ годахъ; однакоже онъ сохранилъ полную свѣжесть своихъ силъ; и Царь едва-ли могъ бы найти кого-либо другого, болѣе ему полезнаго, для пріобрѣтенія разныхъ научныхъ свѣдѣній. Самъ Витценъ, обычно очень занятый и обремененный служебными работами и потому въ такой же степени бережливый въ расходованіи времени, въ какой онъ былъ щедръ въ отношеніи денегъ, посвящалъ Царю каждый понедѣльникъ, обыкновенно проводя вмѣстѣ съ нимъ весь этотъ день.

Мы сообщаемъ здѣсь нѣкоторыя частныя подробности съ тою цѣлью, чтобы показать, насколько не соотвѣтствуютъ дѣйствительности свидѣтельства тѣхъ историковъ, которые утверждаютъ, будто-бы *Петръ* въ теченіе 4 дней усвоилъ все, чему могъ научить мастеръ *Пооль*; что Царь тщетно требовалъ въ чертежахъ своего учителя математическихъ доказательствъ и что, наконецъ, не находя, будто-бы, въ Голландіи удовлетворенія своей жадѣ знанія, онъ скоро сталъ сожалѣть о предпріятомъ имъ далекомъ путешествіи и о бесполезномъ для него пребываніи въ Голландіи; и вотъ, къ счастью своему, однажды, за обѣдомъ въ домѣ негоціанта *Тезима*, Царь, раздумывая объ этомъ, встрѣтилъ якобы одного англичанина, который и сообщилъ ему, какъ нѣчто для него новое, что въ Англіи математическія науки положены въ основаніе техники построенія кораблей. Государь принялъ это сообщеніе къ свѣдѣнію. Вотъ это и вызвало, будто бы, поѣздку Царя въ Англію, гдѣ онъ, въ продолженіе 4 мѣсяцевъ изучивъ въ совершенствѣ все, что ему было нужно, и закончилъ свое техническое образованіе. Но рассказывать подобныя побасенки—не значитъ ли это одновременно и опровергать самый рассказъ?

Царь желалъ также изучить и астрономію и высшую математику. Въ виду этого городское управленіе Амстердама не только распорядилось построить на одномъ изъ городскихъ бастіоновъ нѣчто въ родѣ обсерваторіи, но вызвало изъ Роттердама знаменитаго физика и астронома *Кристіана Гартуцкера*.

Царь отнесся къ новому учителю съ большимъ благорасположеніемъ и склонялъ его ѣхать въ Россію, но отдаленность страны, большое различіе нравовъ и обычаевъ, неопредѣленность самой поѣздки, наконецъ, затрудненія, связанныя съ перемѣщеніемъ туда же и всей семьи,—всѣ эти обстоятельства заставили названнаго ученаго отказаться отъ выгоднаго предложенія. За поѣздъ свой, по особому вызову, въ Амстердамъ и проживаніе въ этомъ городѣ Гартцукеръ впослѣдствіи былъ вознагражденъ изъ средствъ города.

Въ Заандамъ.

Среди всѣхъ работъ Царь не забылъ своего любимаго Заандама. Одною изъ первыхъ его заботъ было принять необходимыя мѣры, чтобы молодые люди, сопровождавшіе посольство, извлекли бы изъ своего пребыванія за границею наивозможно большую пользу,—въ соотвѣтствіи съ поставленными имъ цѣлями.

Вслѣдствіе этого, 5-го сентября, въ Заандамъ вернулись, изъ числа упомянутыхъ выше молодыхъ людей, три лица, а именно: Александръ *Меншиковъ* и графъ *Головкинъ* и третій,—несомнѣнно состоявшій въ кровномъ родствѣ съ Царемъ и потому—или князь *Борисъ Куракинъ* или Александръ *Нарышкинъ* или одинъ изъ *Допухиныхъ*. *Меншиковъ* былъ откомандированъ Государемъ къ Герриту Янсу *Штюрману* для работъ по цѣланію мачтъ; другіе два—къ Паулусу *Тейвиссену* для постройки ботовъ. Относительно третьяго, здѣсь упоминаемаго, лица, оставшагося менѣе выясненнымъ, толмачъ сказалъ мастеру (Тейвиссену): „вы должны особенно хорошо обращаться съ этимъ господиномъ, ибо онъ знатная особа,—московскій принцъ“. *Меншиковъ*, который зналъ по-голландски и слышалъ эти слова, не одобрилъ ихъ, толмачъ же, въ свою очередь, замѣтилъ: „это нисколько не повредитъ, что будутъ знать о высокомъ положеніи этого господина: чѣмъ важнѣе онъ, тѣмъ лучше будутъ съ нимъ обходиться“.

Сдѣлавъ тѣ и другія распоряженія, Царь, 8-го сентября, отправился лично въ Заандамъ, куда онъ былъ вторично приглашенъ, чтобы присутствовать на спускѣ корабля. Къ этому времени озаботились распространить слухъ, что Государь отклонилъ приглашеніе на это торжество и лично не будетъ на немъ; это было сдѣлано въ цѣляхъ предупрежденія большого скопленія народа.

Царь прибылъ на собственной яхтѣ и, остановившись у плотины съ восточной стороны, осматрѣлъ подробно весь аппаратъ для спуска, состоявшій изъ горизонтальныхъ воротовъ и кабелей и другихъ предметовъ, которые требовались для такой сложной, какъ спускъ судна, операціи. Такъ какъ въ моментъ прибытія Царя еще хлопотали около кабестана, то Петръ отправился въ желѣзную лавку и тамъ купилъ, съ немалой помѣхой отъ звѣакъ, нужные ему инструменты, которые онъ и отнесъ самъ на свою яхту.

Возвратясь затѣмъ къ мѣсту спуска судна, онъ еще разъ осматрѣлъ все съ величайшимъ вниманіемъ, но такъ какъ дѣлавшіяся приготовленія казались ему слишкомъ затянувшимися, то онъ быстро повернулъ къ своей яхтѣ, вскочилъ въ нее, поднялъ паруса, схватилъ руль и, отвязавъ канатъ, поплылъ, не дождавшись, такимъ образомъ, самаго спуска корабля.

9-го сентября въ Заандамъ прибыли, со своимъ имуществомъ, также и упомянутые выше русскіе молодые дворяне и тотчасъ же приступили къ работѣ; двое изъ нихъ, именно работавшіе надъ постройкою ботовъ, вначалѣ сильно жаловались на свои руки, не привычныя къ подобной работѣ. Но это продолжалось не долго. Третій изъ нихъ, личность котораго менѣе извѣстна, заболѣлъ и въ октябрѣ мѣсяцѣ получилъ разрѣшеніе вернуться обратно въ Россію.

Меншиковъ оказывалъ наибольшіе успѣхи въ работѣ. Однажды Царь посѣтилъ *Меншикова* на верфи, гдѣ этотъ послѣдній работалъ; взявъ изъ рукъ его инструментъ, Царь приступилъ къ работѣ и работалъ не хуже искуснѣйшихъ мастеровъ. Позже Меншиковъ удостоился милости быть переведеннымъ на работы вмѣстѣ съ Царемъ, на Амстердамскую верфь. Что касается *Головина*, то онъ оставался все время въ Заандамѣ за исключеніемъ одного случая, когда онъ посѣтилъ своего брата, изучавшаго въ Утрехтѣ искусство дѣлать фейерверки.

Для русскихъ въ Заандамѣ былъ нанятъ домъ на Винкепадѣ, въ западной части города; домъ этотъ назывался тогда, да называется еще и теперь, „Каменная камера“ (*Steenen kamer*). Они жили здѣсь, по свидѣтельству Ноомена, весело и пріятно, имѣя при семъ не совсѣмъ опрятнаго повара, одного музыканта и священника.

Кажется, что въ это время въ Заандамѣ поселились для разныхъ работъ еще и другіе русскіе знатнаго происхожденія; помѣщеніемъ для нихъ служилъ другой большой домъ на Ость-Заандамѣ. Одинъ изъ этихъ русскихъ, работавшихъ на верфи,

отличался особымъ усердіемъ въ работѣ, но когда только наступало время перерыва въ работѣ, къ нему тотчасъ же подходилъ его камердинеръ съ кувшиномъ воды, чтобы онъ могъ умыть свои руки, а послѣ этого—переодѣться въ соотвѣтственный его положенію костюмъ.

Посѣщеніе Царемъ короля Вильгельма въ Утрехтъ.

Штатгальтеръ Вильгельмъ III, король Англій, въ это время находился въ Голландіи для заключенія Рисвинскаго мирнаго договора. Было начало сентября, и король, проживая въ Лео, между прочимъ, развлекался здѣсь также охотою на оленей. Царь выразилъ свое желаніе имѣть свиданіе съ этимъ знаменитымъ монархомъ. Было условлено, отказавшись отъ всякаго придворнаго церемоніала, обоимъ государямъ выѣхать навстрѣчу одинъ другому. Мѣстомъ свиданія назначенъ былъ Утрехтъ, отель „Туласть“ (Toelast). Царь выѣхалъ 9-го сентября, въ сопровожденіи *Витцена* и *Дефорта*. О какихъ-либо взаимныхъ переговорахъ Монарховъ во время этого свиданія намъ не извѣстно ничего ¹⁾. Судя по тому, что въ память о немъ была выбита особая медаль, можно предполагать, что свиданію этому придавалось важное значеніе, но, съ другой стороны, самый выпускъ медали въ обращеніе былъ такъ незначителенъ, что объ этой медали можно и не распространяться больше.

Гнѣвъ Царя противъ своихъ вельможъ.

Едва только Царь успѣлъ вернуться въ Амстердамъ, какъ онъ разразился гнѣвомъ противъ нѣкоего князя и еще противъ одного весьма важнаго лица, входившихъ въ составъ посольства. Эти господа позволили себѣ осуждать, въ рѣзкихъ выраженіяхъ, нѣкоторыя дѣйствія Царя и даже давать ему со-

¹⁾ *Меерманъ* въ своемъ трудѣ, озаглавленномъ: „Исторія Вильгельма III, Амстерд., 1703“, заставляетъ Петра Великаго говорить при этомъ случаѣ длинныя рѣчи. Многими историками эти рѣчи принимаются, какъ дѣйствительно сказанныя Царемъ, но такъ какъ, съ внѣшней стороны, эти рѣчи представляются слишкомъ напыщенными для Петра, а изъ содержанія всего разговора Царя съ Вильгельмомъ III вытекаетъ, что главною цѣлью поѣздки Царя было, будто бы, поднять короля противъ французовъ, то дѣлается очевиднымъ, что и весь разговоръ и самыя рѣчи Петра придуманы и вложены въ его уста названнымъ историкомъ съ цѣлью, чтобы только подкрѣпить свои личныя воззрѣнія по данному вопросу.

Прим. автора.

вѣты, какъ, напр., совѣтовать ему рѣже показываться публично больше охранять свое достоинство и свое имя и блюсти свой санъ. Это такъ разгнѣвало Царя, что онъ приказалъ обоихъ заковать въ цѣпи и держать ихъ въ посольскомъ домѣ, намѣреваясь казнить ихъ смертию, отрубивъ имъ головы.

Бургомистры представили ему, что подобное наказаніе ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть ни назначено, ни, тѣмъ болѣе, приведено въ исполненіе какъ въ самомъ городѣ Амстердамѣ, такъ и на всемъ протяженіи голландской территоріи, и разными доводами старались убѣдить Государя отказаться отъ своего намѣренія и вернуть заключеннымъ полную свободу, но они достигли только того, что Царь даровалъ имъ жизнь, но подъ условіемъ, что одинъ изъ нихъ долженъ подвергнуться ссылкѣ въ Батавію, а другой—въ Суринамъ.

Около этого же времени нѣкто изъ духовныхъ лицъ, принадлежавшихъ къ свитѣ посольства, былъ замѣченъ въ злоупотребленіи виномъ; за это онъ былъ приговоренъ Царемъ къ жестокому наказанію: онъ долженъ былъ вертѣть колесо на одной изъ канатныхъ фабрикъ. Здѣсь онъ долгое время работалъ и хотя испытывалъ сильную боль отъ непривычнаго занятія, онъ все-таки не получалъ прощенія, — „ступай, ступай работать“—было ему въ отвѣтъ на его просьбу о помилованіи.

Осмотръ Царемъ адмиралтейскихъ судовъ. Второе парусное состязаніе.

Около этого же времени Царь выразилъ свое желаніе видѣть маневры большого военнаго корабля, а также судно, стоящее на камеляхъ¹⁾. Совѣтъ адмиралтейства поспѣшилъ пойти навстрѣчу такому желанію Монарха и распорядился спустить на воду всѣ нужныя суда, чтобы Царь могъ осмотрѣть все по своему желанію. Въ это же время на борту одного изъ судовъ былъ приготовленъ для Царя и посольства роскошный обѣдъ. Заливъ огласился салютными выстрѣлами. Осмотръ судовъ казался доставилъ Царю необыкновенное удовольствіе, а поднятый на камели корабль осматривался имъ съ такимъ особымъ интересомъ, какъ будто Царь предчувствовалъ уже тогда, какъ много пользы это остроумное голландское изобрѣтеніе принесетъ ему впоследствии для его родного флота на Невѣ.

¹⁾ Специальныя плоскодонныя суда, подводившіяся подъ корабли для проводки этихъ послѣднихъ чрезъ мель.

Сдѣлалось извѣстнымъ, что Царь охотно посмотрѣлъ бы еще разъ на примѣрное морское сраженіе и состязаніе на парусныхъ лодкахъ; управленіе города извинилось за невозможность устроить первое изъ названныхъ зрѣлищъ, но, желая доставить Государю удовольствіе, оно поручило комиссарамъ, завѣдующимъ частными яхтами, чтобы они побудили собственниковъ этихъ яхтъ устроить парусное состязаніе, подъ адмиральскимъ флагомъ въ воскресенье 21 сентября. Это зрѣлище также весьма понравилось Царю. Число судовъ, участвовавшихъ въ этотъ день, было почти такое же, какъ и 1-го сентября, благодаря тому, что къ мѣстной флотиліи присоединилось очень много яхтъ и буэровъ изъ Сѣверной Голландіи. Царь отправился на собственной яхтѣ, а потомъ пересѣлъ на яхту Остъ-Индской компаніи, на которой находились *Витиенъ* и другіе администраторы названной компаніи. Но такъ какъ число любопытныхъ, прибывавшихъ въ заливъ и на своихъ лодкахъ, все болѣе и болѣе увеличивалось, то Царь пришелъ въ гнѣвливое настроеніе, что причинило всѣмъ много огорченія. Вскорѣ послѣ этого онъ вернулся на свою яхту.

Знакомство Царя съ Гиллесомъ Шейемъ и Корнелиемъ Крѣйсомъ.

Во время морского сраженія или пребыванія своего на военномъ кораблѣ, или же во время паруснаго состязанія Царь встрѣтился съ *Гиллесомъ Шейемъ*, бывшимъ въ то время вице-адмираломъ; это былъ морской герой, подъ руководствомъ своего отца прошедшій школу знаменитаго *Рейтера* (Ruyter) и собственными геройскими подвигами поднявшій еще больше славу своихъ храбрыхъ предковъ. Его опытность и честность не уступали его мужеству. Вотъ почему Царю было особенно пріятно поближе узнать такого человѣка.

Въ теченіе той же недѣли *Шей* имѣлъ честь пригласить Государя и членовъ его посольства въ свой домъ, на Кольвеніерсбургваль, гдѣ гостямъ предложенъ былъ роскошный обѣдъ. Позже они также неоднократно удостаивали его своимъ посѣщеніемъ. Царь, желая имѣть у себя на службѣ человѣка, которому онъ спокойно могъ бы довѣрить все морское дѣло: и устройство флота и главное управленіе имъ, вскорѣ сталъ склонять Шейя перейти къ нему на службу. Царь предложилъ ему высшій чинъ адмирала, съ содержаніемъ, какое онъ самъ пожелаетъ; онъ обезпечивалъ ему производство пенсіи въ 25 ты-

сячь гульденовъ, его женѣ и дѣтямъ, въ случаѣ, если бы они пожелали остаться въ Голландіи; наконецъ, Царь обѣщалъ, что онъ самъ будетъ хлопотать передъ королемъ *Вильгельмомъ* объ увольненіи Шея изъ голландской службы съ сохраненіемъ званія генераль-адмирала голландскаго флота; однако, какъ ни почетны были эти условія и хотя содержаніе по званію вице-адмирала въ то время составляло только 24 сотни гульденовъ, но долгъ передъ родиною, не позволявшій оставить службу отечеству, взялъ верхъ надъ всѣми другими соображеніями. И этотъ отказъ отнюдь не уменьшилъ благорасположенія къ нему Царя; онъ съ удовольствіемъ принялъ поднесенныя ему *Шеймъ* въ даръ нѣсколько морскихъ картъ и плановъ и часто совѣтовался съ нимъ по разнымъ вопросамъ морского дѣла, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ искалъ среди голландцевъ искусныхъ морскихъ офицеровъ, чтобы пригласить ихъ на службу въ Россію.

Именно Шей и рекомендовалъ Царю Корнелія *Крѣйса* (*Cruys*), какъ человѣка способнаго и пригоднаго для того, чтобы вручить ему управленіе флотомъ.—Крѣйсъ, по однимъ свѣдѣніямъ, родился въ Ставангерѣ, въ Норвегіи, хотя, вѣроятно, былъ голландскаго происхожденія; по другимъ свѣдѣніямъ—онъ родомъ изъ Голландіи и изъ знатной семьи. Съ юныхъ лѣтъ предназначенный своими родителями къ морской службѣ, онъ рано достигъ званія контръ-адмирала, а въ описываемую эпоху былъ экипажъ-мейстеромъ при адмиралтействѣ (инспекторомъ матеріальной части во флотѣ) и въ этомъ званіи былъ близко знакомъ со всѣми судовыми потребностями. Затѣмъ, будучи опытенъ во всѣхъ отрасляхъ морского дѣла, а также искусенъ въ морскихъ картографическихъ работахъ, онъ являлся именно такимъ человѣкомъ, въ которомъ нуждался Царь; въ виду этого и были употреблены всѣ средства, чтобы склонить его перейти на службу въ Россію. Но это стоило не малаго труда, и только неоднократныя соединенныя усилія Шея, Витцена и другихъ бургомистровъ Амстердама,—хорошо знавшихъ дѣйствительныя достоинства Крѣйса и въ то же время сознававшихъ большую пользу для ихъ отечества, если, при настоящихъ обстоятельствахъ, у русскаго Царя будетъ находиться на службѣ именно голландецъ,—заставили Крѣйса согласиться на сдѣланное ему Царемъ предложеніе. Впослѣдствіи мы будемъ имѣть случай подробнѣе сообщить о личныхъ качествахъ и заслугахъ Крѣйса по отношенію къ Россійскому государству.

Сношенія Царя съ Рѣйшемъ и другими учеными и художниками.

Витценъ старался доставить Петру удобные случаи входить въ сношенія съ голландскими учеными и художниками. Въ числѣ первыхъ былъ Фридрихъ *Рейшъ*, профессоръ анатоміи, пользовавшійся общимъ уваженіемъ. Онъ прославился въ особенности своимъ искусствомъ сохранять, посредствомъ инъекціи, различныя части человѣческаго тѣла; его замѣчательный анатомическій кабинетъ пользовался общей извѣстностью и, какъ одна изъ величайшихъ рѣдкостей Голландіи, посѣщался всѣми пріѣзжавшими въ нее иностранцами. Когда Царь въ первый разъ увидѣлъ это необыкновенно богатое собраніе, онъ былъ такъ пораженъ представившимся ему зрѣлищемъ, что остановился какъ-бы зачарованный. Остановившись у трупика ребенка, сохранившагося такъ хорошо, что казалось, что ребенокъ еще живъ и на лицѣ его какъ-бы играетъ еще улыбка, Петръ не могъ удержаться, чтобы не поцѣловать малютку ¹⁾).

Съ большою неохотою покинулъ Царь кабинетъ Рѣйша, хотя и чувствовалъ себя утомленнымъ отъ продолжительнаго осмотра и подробныхъ разспросовъ. Позже онъ еще нѣсколько разъ посѣтилъ кабинетъ и этимъ еще болѣе укрѣпилось дружеское общеніе Петра съ проф. *Рѣйшемъ*, у котораго онъ иногда оставался обѣдать. Часто онъ присутствовалъ на лекціяхъ по анатоміи и даже хотѣлъ брать у него спеціальныя уроки, чтобы имѣть возможность удовлетворить своей склонности къ хирургическимъ операціямъ. Онъ находилъ очень полезнымъ для себя сопутствовать профессору при его посѣщеніяхъ больныхъ, но такъ какъ Царь ночевалъ обыкновенно въ Посольскомъ домѣ, смежномъ съ больницею Св. Петра, то онъ долженъ былъ проходить въ эту больницу по улицѣ, гдѣ всегда собиралось много разныхъ звѣвкъ. Царю это не нравилось и, по его просьбѣ, въ стѣнѣ, раздѣлявшей оба зданія, сдѣланъ былъ особый проходъ, слѣды котораго сохранились и до настоящаго времени.

17-го сентября Царь, въ сопровожденіи профессора *Рѣйша*, посѣтилъ ботанической садъ, гдѣ его встрѣтили бургомистры и гдѣ ему было предложено угощеніе. Съ тѣмъ же Рѣйшемъ

¹⁾ Это былъ трупикъ дѣвочки въ возрастѣ отъ 3 до 4 лѣтъ.

Прим. автора.

Царь совѣтывался относительно хирурговъ, которыхъ онъ собирался пригласить въ Россію какъ для службы реорганизуемой имъ сухопутной арміи, такъ и во вновь создаемомъ флотѣ.

Петръ имѣлъ случай посѣтить знаменитый естественно-историческій и художественный кабинетъ принадлежавшій архитектору Симону *Шейнвуту* (Schynvoet). Царь имѣлъ продолжительную бесѣду съ этимъ ученымъ относительно строительнаго искусства, и возможно, что именно эта бесѣда и повела къ повдѣйшимъ сношеніямъ съ нимъ Царя какъ по поводу присылки къ нему, для обученія, молодыхъ дворянъ, такъ и по поводу вызова, чрезъ него, въ Петербургъ опытныхъ художниковъ изъ числа бывшихъ его учениковъ; по крайней мѣрѣ, неоднократно наблюдалось, что выстроенные Петромъ дворцы и загородные дома носятъ на себѣ печать нѣкоторой унылости и слишкомъ большей перегруженности въ орнаментаціи, каковой характеръ построекъ свойственъ вообще стилю этого, во многихъ другихъ отношеніяхъ, отличнаго строителя.

Юганна Куртенъ *Блокъ*, столь извѣстная въ искусствѣ вырѣзыванія изъ бумаги различныхъ фигуръ, также была осчастливлена царскимъ посѣщеніемъ. При помощи обыкновенныхъ ножницъ она вырѣзала изъ бумаги портретъ Царя настолько удачный, что вызвала своимъ искусствомъ общее удивленіе и восхищеніе; поэты же *Франціусъ*, *Мооненъ* и *Ноллетъ* посвятили даже этому *shek'oeuvge'u* нѣсколько своихъ стихотвореній. Царь отнесся съ большимъ одобреніемъ къ ея замѣчательному искусству и охотно исполнилъ ея просьбу—вписать въ альбомъ свое имя.

Царю доставило большое удовольствіе знакомство съ двумя знаменитыми механиками *ванъ-Гейденами*, отцомъ и сыномъ, изобрѣвшими, между прочимъ, особый пожарный аппаратъ, приводившійся въ дѣйствіе при помощи нагнетательнаго насоса. Заинтересованный изобрѣтеніями *ванъ-Гейденовъ*, Петръ просиживалъ цѣлыми часами на ихъ фабрикѣ, съ большимъ интересомъ слѣдя за работами на ней и въ то же время удивляясь и восхищаясь глубокимъ изобрѣтательнымъ умомъ этихъ людей. Несмотря на усиленные просьбы Царя поѣхать съ нимъ въ Россію, привязанность *ванъ-Гейденовъ* къ родинѣ побудила ихъ отказаться отъ самыхъ выгодныхъ условій.

Поѣздка на рѣку Тексель.

Въ послѣднихъ числахъ сентября Царь отправился на яхтѣ, въ сопровожденіи *Витцена* и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, на рѣку Тексель. Передъ этою поѣздкою онъ потребовалъ, чтобы его воля относительно осужденныхъ имъ молодыхъ дворянъ была въ точности исполнена.

Во время этого путешествія, какъ и въ другихъ случаяхъ, было замѣчено, что Царь охотно говоритъ объ осадѣ Азова и о сопряженныхъ съ нею операціяхъ. Сохраняются до сихъ поръ, у одного амстердамскаго ученаго, Якова *Конина*, листъ бумаги, на которомъ Царь собственною рукою искусно начертилъ карандашемъ положеніе города на берегахъ Дона и диспозицію турецкихъ военныхъ и продовольственныхъ судовъ въ устьѣ этой рѣки, а также мѣста, гдѣ Царь атаковалъ суда и овладѣлъ ими.

Здѣсь, на р. Текселѣ, Царь могъ вполне предаться своему любимому развлеченію—подробному осмотру судовъ, и для этого онъ не жалѣлъ ни времени, ни трудовъ.

Случилось, что именно въ это время задулъ сильнѣйшій нордъ-остъ, благодаря которому, а также большому приливу воды въ морѣ, Царь имѣлъ удовольствіе видѣть возвращеніе домой, съ богатѣйшимъ уловомъ, одного отдѣленія гренландскаго китоловнаго флота¹⁾; какъ только море стало немного спокойнѣе, Царь тотчасъ же отправился на бортъ пришедшихъ судовъ и, несмотря на обычную для всѣхъ китоловныхъ судовъ грязь, осматривалъ эти суда снизу до верху, въ мельчайшихъ подробностяхъ, не уставая и въ то же время спрашивалъ о всемъ, относящемся до китоловнаго промысла.

Посѣщеніе Царемъ гренландскихъ моряковъ въ Заандамъ.

Узнавъ, что нѣкоторыя китоловныя суда вошли въ Фоорванъ, Царь пожелалъ еще разъ осмотрѣть ихъ и поэтому охотно принялъ приглашеніе Корнелія *Камфа* пріѣхать для этого въ Заандамъ. Здѣсь было все подготовлено, чтобы облегчить Государю возможность полнѣе ознакомиться со всѣмъ, касающимся китоловнаго промысла.

¹⁾ Въ этомъ году 112 китоловными судами было поймано 1.197 китовъ, давшихъ 39.484 бочекъ жиру.

Прим. автора.

Особенно Царь остался доволенъ, когда одно изъ китоловныхъ судовъ отчалило отъ берега и по командѣ: „бросай, бросай!“—на суднѣ все уже было готово, какъ будто дѣйствительно дѣло шло о нападеніи на кита. Быстрота и строгій порядокъ, съ которыми былъ продѣланъ этотъ маневръ, заслужили особое одобреніе Петра. Онъ осмотрѣлъ также помѣщенія, гдѣ производились всѣ операціи по вытапливанію жира, по отдѣленію китоваго уса и приготовленію клея и проч.,—ничто не ускользнуло отъ его вниманія.

Царь казался въ эти дни особенно возбужденнымъ и былъ въ превосходномъ настроеніи духа. Въ Заандамѣ, куда онъ часто пріѣзжалъ на своей яхтѣ, онъ сталъ меньше избѣгать толпы, и все чаще и чаще имѣли случай его видѣть и ближе ознакомиться съ его наружнымъ видомъ: онъ былъ высокаго роста, крѣпкаго тѣлосложенія и съ пропорціональною талією; его черныя и густыя брови давали ему, нѣсколько округленному, лицу выраженіе немного суровое, которое, однако, смягчалось оттѣнкомъ добродушія. Онъ отличался быстротою въ своихъ движеніяхъ, проворствомъ и ловкостью въ работѣ; поступь его была твердая, походка торопливая; все говорило въ немъ о небывающей энергіи и непреодолимой силѣ духа.

Пріѣздъ посольства въ Гаагу и торжественный пріемъ его здѣсь.

Пріѣздъ російскаго посольства ожидался въ Гаагѣ со дня на день. Еще въ началѣ іюля мѣсяца для него было приготовлено помѣщеніе въ гостиницѣ „Дулень“; въ то же время былъ сдѣланъ большой запасъ пищевыхъ продуктовъ и равныхъ винъ. Первые изъ нихъ, во избѣжаніе порчи, должны были ежедневно освѣжаться, что увеличивало, съ каждымъ днемъ, ожиданія пріѣзда посольства, и самые расходы, а вмѣстѣ съ ними—увеличивались и недовольство хозяина гостиницы и жалобы его. Уже теперь можно было ожидать, что испрашенной на содержаніе посольства суммы окажется недостаточно, и это впоследствии, дѣйствительно, и подтвердилось.

Проживавшіе въ Амстердамѣ послы, казалось, были заняты болѣе своими личными дѣлами и разными развлеченіями, чѣмъ тѣмъ дѣломъ, для котораго они прибыли въ Голландію,—такъ, они дѣлали частыя экскурсіи въ окрестныя мѣстности.

Правительство было очень озабочено такимъ положеніемъ вещей и дѣлало, черезъ своего гофмейстера, у *Дефорта* неодно-

кратныя попытки, чтобы точно выяснитъ день пріѣзда посольства въ Гаагу. Члены этого посольства, въ свою очередь, указали, какъ на причину замедленія, на то, что они, узнавъ о намѣреніи голландскаго правительства устроить имъ въ Гаагѣ особо торжественный пріемъ, въ свою очередь желаютъ прибыть въ Гаагу во всемъ блескѣ, соответствующемъ ихъ высокому рангу. Дѣйствительно, со стороны русскихъ, было сдѣлано нѣсколько экстренныхъ заказовъ, пріуроченныхъ къ дню торжественнаго ихъ вѣзда въ Гаагу; такъ, было заказано: три роскошныхъ парадныхъ кареты, нѣсколько новыхъ блестящихъ костюмовъ и ливрей для свиты и для слугъ и проч. ¹⁾.

Наконецъ, день торжественнаго вѣзда былъ уже опредѣленно назначенъ на 25 сентября, и такимъ образомъ прошло уже болѣе 2 мѣсяцевъ съ того дня, который голландское правительство намѣтило первоначально для устройства торжественной встрѣчи посольства въ резиденціи. Но и въ назначенный день это торжество все-таки не могло состояться и было отсрочено еще на два дня.

Только 26-го сентября послы отправились водою, на яхтѣ, въ Фoorбургъ; здѣсь они, остановившись въ гостиницѣ „Лебедь“, переночевали, а на другой день—и обѣдали. Здѣсь же ими установленъ былъ и церемоніаль шествія торжественнаго кортежа въ Гаагу, сходный съ церемоніаломъ вѣзда своего въ Амстердамъ, но на этотъ разъ кортежъ представлялъ еще болѣе великолѣпія и былъ еще многочисленнѣе. Теперь въ немъ участвовало 40 человекъ азіатъ и казаковъ, отдѣтыхъ въ національные костюмы и вооруженныхъ луками со стрѣлами и копьями; кромѣ того, еще присоединилось 32 гайдука. Въ такомъ порядкѣ послы прослѣдовали до Гоорнбруга, моста между Дельфтомъ и Гаагою, гдѣ ихъ, по изстари заведенному обычаю, привѣтствовали двое лицъ,—*ванъ-деръ-Дусъ* и *Беккеръ*,—отъ имени Ихъ Высокомочій Генеральныхъ Штатовъ. Отсюда ихъ сопровождали до Гааги въ двухъ роскошныхъ, запряженныхъ каждая восьмеркою лошадей, придворныхъ парадныхъ каретахъ, изъ которыхъ одна, совершенно новая, обращала на себя особое вниманіе своею драгоценною отдѣлкою. За этими каретами слѣдовали парадныя кареты пословъ и еще 14 другихъ каретъ, запряженныхъ по шести, по четыре и по двѣ лошади. Въ такомъ порядкѣ послы прослѣдовали до предназначеннаго для нихъ отеля на Турноой-

¹⁾ Полагаютъ, что заказы эти потребовали расходовъ до 200 тысячъ талеровъ.

Прим. автора.

вельдѣ. Здѣсь ихъ привѣтствовали восемь членовъ собранія Генеральныхъ Штатовъ, а именно: *ванъ-Эссенъ, Груминсъ, Шаттеръ, ванъ-Геке, ванъ-Домбургъ, ванъ-деръ-Ваейенъ, Демкеръ* и *Вихерсъ*; всѣ эти лица, кромѣ того, оставались съ послами и во время роскошнаго ужина, предложеннаго гостямъ на государственный счетъ.

Еще въ то время, когда только-что устанавливался порядокъ шествія кортежа, возникло нѣкоторое пререканіе въ виду того, что послы потребовали, чтобы кареты, въ которыхъ должны были слѣдовать они, предшествовали бы каретамъ придворнымъ, между тѣмъ какъ обычай требовалъ обратнаго порядка; но это несогласіе скоро было улажено, также какъ и нѣкоторыя другія разногласія. возникшія позже, а именно—относительно расходовъ на содержаніе лицъ, принадлежащихъ къ свитѣ, число каковыхъ составляло въ то время уже 160 человекъ; желали устроить такъ, чтобы каждый изъ нихъ, на отпущенную ему авансомъ извѣстную сумму, самъ заботился о своемъ содержаніи, но таковой порядокъ найдено было возможнымъ установить по отношенію только къ нѣкоторымъ лицамъ изъ посольской свиты.

4-го октября послы обратились чрезъ своего секретаря и переводчика къ президенту собранія Генеральныхъ Штатовъ, прося его назначить имъ торжественную аудіенцію на слѣдующій день и, вмѣстѣ съ этимъ, представили грамоту *ad omnes principes*. въ которой были изложены всѣ ихъ титулы, принадлежащія имъ какъ полномочнымъ посламъ Его Царскаго Величества. На просьбу объ аудіенціи послѣдовало согласіе и самая аудіенція была назначена, какъ объ этомъ ходатайствовалось, на слѣдующій день, т.-е. на 5-е октября, къ полудню.

Первая аудіенція посламъ.

При приближеніи часа аудіенціи трое лицъ: *ванъ-деръ-Дусъ, ванъ-Берстейнъ, ванъ-деръ-Ваейенъ* и *Смутъ* отправились въ каретахъ къ отелю, занимаемому послами, чтобы взять ихъ съ собою и съ тѣмъ же церемоніаломъ, съ какимъ они ввезены были въ городъ, доставить ихъ, провезя чрезъ лучшіе кварталы столицы, къ Бинненгофу; въ кортежѣ особенно выдѣлялся одинъ изъ секретарей посольства, ѣхавшій въ придворной парадной каретѣ и везшій съ собою вѣрительную грамоту, запечатанную большою государственною печатью; грамота эта была заключена въ позолоченный ящикъ, обернутый въ парчу; затѣмъ, нѣсколько

лицъ изъ кортежа несли на виду подарки отъ Царя и отъ каждаго изъ пословъ; подарки эти состояли изъ богатѣйшихъ соболиныхъ шкуръ, общее число которыхъ простиралось до 600, а цѣнность ихъ превышала 10 тысячъ гульденовъ.

Пословъ провели чрезъ большой залъ къ вновь выстроенному генеральному залу засѣданій, такъ называемому „Тревескамеръ“, по сему торжественному случаю—въ первый разъ открытому. Посламъ чужестранныхъ державъ, какъ находившимся въ Гаагѣ въ качествѣ постоянныхъ представителей ихъ, такъ и прибывшимъ въ Голландію по случаю заключенія мирнаго трактата (Рисвикскаго), а равнымъ образомъ и нѣкоторымъ другимъ лицамъ высокаго положенія, была предоставлена возможность присутствовать на этой аудіенціи, а такъ какъ, въ то же время, сюда прибыла и значительная часть депутатовъ, то назначенный залъ едва былъ въ состояніи вмѣстить въ себѣ всѣхъ лицъ, составлявшихъ свиту, русскаго посольства.

Послы начали съ перечисленія всѣхъ титуловъ, принадлежащихъ Царю, ихъ повелителю; затѣмъ они привѣтствовали Ихъ Высокомочія (Генеральные Штаты) съ выраженіемъ имъ пожеланія добраго здравія; все это было сказано на русскомъ языкѣ, а переводчикамъ переведено на голландскій языкъ.

Іоганъ Беккеръ, бургомистръ города Миддельбурга и временный президентъ провинціи Зееландъ, обратился къ посламъ съ вопросомъ о Царскомъ здравіи. На это отвѣчалъ ему *Лефортъ*, который вмѣстѣ съ симъ вручилъ свои ввѣрительныя грамоты, а также царскій подарокъ, состоявшій изъ разныхъ дорогихъ мѣховъ. Ввѣрительныя бумаги были прочитаны и переведены. Въ нихъ указывалось, какъ на главную цѣль пріѣзда посольства: укрѣпленіе взаимной пріязни между обоими государствами, вступленіе въ переговоры по разнымъ общимъ вопросамъ, касающимся общественнаго блага и одинаково важнымъ для всѣхъ христіанскихъ государствъ, и, наконецъ, обсужденіе отдѣльныхъ вопросовъ, которые могутъ служить къ взаимной пользѣ обоихъ договаривающихся государствъ.

За этимъ послѣдовала рѣчь *Лефорта* и *Головина*, въ которой они, завѣривъ Ихъ Высокомочія въ желаніи ихъ Повелителя сохранять крѣпкую дружбу, вмѣстѣ съ тѣмъ доводили до свѣдѣнія государственныхъ чиновъ, что ихъ Монархъ ведетъ въ настоящее время войну и имѣетъ причины быть довольнымъ успѣхами своего оружія, ибо онъ одерживаетъ побѣды надъ непріателемъ и завоевалъ обширную страну со многими городами, въ числѣ которыхъ находится знаменитая крѣпость

Азовъ. Въ заключеніе своей рѣчи, они сказали, что, въ цѣляхъ закрѣпленія взаимной дружбы между обоими государствами, они желаютъ сдѣлать ближайшія препозиціи и потому просятъ высокое собраніе соблагovolить назначить комиссію изъ своихъ членовъ, съ которыми они могли бы войти въ переговоры.

Послѣ того, какъ и эта рѣчь была переведена на голландскій языкъ, президентъ собранія, отъ имени Генеральныхъ Штатовъ, засвидѣтельствовалъ, что Штаты преисполнены уваженія къ Особѣ Царя и что, въ сознаніи большой важности для нихъ дружбы съ Царемъ, они питаютъ самое искреннее желаніе закрѣпить эту дружбу еще болѣе сильными узами. Президентъ, въ то же время, заявилъ, что они съ радостью встрѣчаютъ настоящее посольство и высокопочтенныхъ лицъ, составляющихъ его, а равно съ благодарностью принимаютъ предложенные имъ подарки; что они радуются успѣхамъ оружія Царя и желаютъ ему увеличенія его славы на благо его государству и его подданнымъ и, наконецъ, что будетъ назначена комиссія для подробнаго обсужденія ихъ предложенія.

Эта декларация была также переведена, чѣмъ и закончилась аудіенція, въ продолженіе которой стояли съ непокрытою головою, также какъ и всѣ члены собранія. Затѣмъ послы, съ соблюденіемъ того же церемоніала и сопровождаемые тремя делегатами Генеральныхъ Штатовъ, были отвезены въ занимаемый ими отель, гдѣ вскорѣ состоялся общій обѣдъ.

Лефортъ, въ другихъ случаяхъ ходившій всегда въ общемъ европейскомъ платьѣ, на этотъ разъ былъ одѣтъ въ спеціально русскій костюмъ, длинный кафтанъ изъ золотой парчи, отороченный драгоцѣннымъ мѣхомъ; при этомъ вся одежда, въ особенности его шапка и сабля блистали драгоцѣнными камнями. Все это—и оригинальный костюмъ, и блескъ золота, при его надменной и представительной наружности, обратило на него вниманіе. Головинъ и Возницынъ были одѣты въ платье изъ чернаго атласа, богато украшеннаго жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. На груди они носили портретъ Царя, а спину ихъ украшалъ двуглавый орелъ. Въ современныхъ журналахъ первый изъ нихъ описывается человѣкомъ высокаго роста, съ красивымъ и необыкновенно привѣтливымъ лицемъ; двое другихъ изображаются людьми крѣпкаго тѣлосложенія и высокаго роста; они считаются знатоками иностранныхъ языковъ и обладающими свѣтскимъ лоскомъ.

Поѣздка Царя въ Гаагу.

Царь сообщилъ *Витцелю* и нѣкоторымъ другимъ лицамъ о своемъ желаніи присутствовать на аудіенціи, которая будетъ дана его посламъ, но при соблюденіи, съ его стороны, строжайшаго инкогнито, и они не могли отказать ему въ его просьбѣ—сопутствовать ему въ этой поѣздкѣ. Отъѣздъ Царя изъ Амстердама былъ назначенъ на 4 число октября.

Во время этого переѣзда Петръ обнаружилъ въ большей степени, чѣмъ въ другихъ случаяхъ, съ одной стороны—свою крайнюю нетерпѣливость все видѣть и во всѣхъ мелочахъ осмотрѣть, а съ другой—нѣкоторый недостатокъ воспитанія и культурности, и мы затруднились бы все передать въ подробностяхъ, если бы *Нооменъ* не записалъ ихъ, слыша изъ устъ *ванъ-дер-Гейдена*, сына, слышавшаго, въ свою очередь, отъ самого *Витцелю*, который рассказывалъ все это въ Заандамѣ членамъ правительства. И такъ, полагаясь на достовѣрность и правдивость этихъ данныхъ, мы не считаемъ себя въ правѣ скрыть рассказъ объ этой поѣздкѣ *Петра*, особенно характерной, и приводимъ изъ него слѣдующее.

Бургомистръ, въ сопровожденіи двухъ лицъ, поѣхалъ, въ своей каретѣ, за Царемъ. Этотъ послѣдній хотѣлъ взять съ собою своего карло (или шута), и сколько ему ни доказывали, что это слишкомъ стѣснить всѣхъ въ каретѣ, *Петръ* не хотѣлъ отказаться отъ своего намѣренія и объявилъ, что, въ такомъ случаѣ, онъ посадить его къ себѣ на колѣни. Послѣ этого пришлось взять карла съ собою и приготовить мѣсто въ каретѣ.

Царь потребовалъ, чтобы ѣхали кругомъ всего города. Увидя здѣсь много мельницъ, Царь, указывая то на одну изъ нихъ, то на другую, постоянно спрашивалъ: „Тутъ что дѣлаютъ? А тутъ что?“ Замѣтивъ одну мельницу, около которой не видно было никакого матеріала для работы, и узнавъ, что это шлифовальная мельница, Царь закричалъ: „Хочу ее видѣть!“ Остановили карету, но мельница оказалась запертою; послали за ключемъ; но такъ какъ его долго не могли найти, то поѣхали дальше.

На Гаарлемской дорогѣ Царь увидѣлъ небольшую водочерпательную мельницу (для осушки луговъ и проч.); когда онъ узналъ о назначеніи этой мельницы, онъ снова потребовалъ остановиться, говоря: „хочу ее осмотрѣть!“ Ему указали, что

кругомъ стоитъ болото и что онъ промочить свои ноги. Тѣмъ не менѣе, все-таки принуждены были остановиться. Онъ бѣгомъ направился къ мельницѣ, но, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, онъ увидѣлъ такъ много воды, что, волею-невою, долженъ былъ повернуть назадъ, при чемъ, все-таки, изрядно промочилъ свои ноги.

Прибывъ въ Гаарлемъ, Царь потребовалъ и здѣсь, чтобы ѣхали не черезъ городъ, а объѣхали бы его кругомъ; когда же Витценъ объяснилъ ему, что это невозможно исполнить, Царь завернулся весь съ головою въ свой плащъ и въ такомъ видѣ проѣхалъ чрезъ весь городъ.

Проѣзжая мимо одной, очень богатой, дачи въ окрестностяхъ Гаарлема, Царь спросилъ: „чья дача эта?“ *Витценъ* отвѣтилъ, что она принадлежитъ извѣстному негодіанту изъ Амстердама. „Хочу ее видѣть!“ снова потребовалъ Царь. Было испрошено у хозяина и получено разрѣшеніе осмотрѣть ее. Но Царь потребовалъ, чтобы, предварительно, всѣ находившіеся на этой дачѣ вышли изъ нея вонъ. Витценъ замѣтилъ, что можно просить, но приказать нельзя, такъ какъ самъ хозяинъ и его супруга находятся дома. Изъ уваженія къ бургомистру хозяева дачи исполнили желаніе Царя, и онъ осмотрѣлъ подробно всю дачу и окрестныя мѣста, послѣ чего снова продолжали путь.

Благодаря всѣмъ такимъ задержкамъ, скоро наступилъ вечеръ и темнота не позволяла уже ничего больше видѣть. Но подѣзжая къ Гаагскому переѣзду на паромѣ, Царь почувствовалъ небольшой толчекъ при вѣздѣ кареты на паромъ. „Что это такое!“ спросилъ Царь. Ему отвѣтили, что переѣзжаютъ черезъ рѣку. „Хочу видѣть это“—говоритъ Царь. Ему даютъ фонарь. Онъ начинаетъ измѣрять дюймоуэромъ ширину, длину и глубину парома и продолжаетъ это дѣлать до тѣхъ поръ, пока порывомъ вѣтра не погасило фонаря.

Они прибыли въ Гаагу около 11 часовъ вечера и устроили Царя въ гостиницѣ „Амстердамъ“. Первымъ его вопросомъ было: „гдѣ я буду спать?“ Ему указали парадную кровать въ роскошно убранной комнатѣ. Но онъ выбралъ маленькую каморку, въ верхнемъ этажѣ, съ простою кроватью; а вслѣдъ затѣмъ онъ объявилъ: „хочу быть вмѣстѣ съ посольствомъ“, и какъ ни убѣждали его отказаться отъ этого намѣренія, ссылаясь на то, что (теперь) было уже за полночь,—ничто не помогало; принуждены были запречь лошадей въ карету и отвезти Царя въ отель „Старый Дулень“.

Здѣсь также первымъ вопросомъ Царя было: „гдѣ я буду спать?“ Ему показали кровать въ приличной комнатѣ, но это ему тоже не понравилось. Онъ бросился самъ разыскивать себѣ мѣсто, гдѣ онъ могъ бы устроиться на ночлегъ, и, перебѣгая изъ стороны въ сторону, замѣтилъ, наконецъ, одного изъ низшихъ служителей, который храпѣлъ, растянувшись на медвѣжьей шкурѣ. „Вставай, вставай“, закричалъ ему Царь и ткнулъ въ него ногой. Тотъ открылъ глаза, раздосадованный тѣмъ, что его разбудили; тогда Царь снова закричалъ: „Ну, ну! Вставай, вставай! Я лягу здѣсь самъ!“ Наконецъ служитель хорошо рассмотрѣлъ, кто его такъ безцеремонно разбудилъ, и поспѣшно оставилъ свою постель. „И вотъ, говоритъ Нооменъ, на этой, еще теплой, медвѣжьей шкурѣ Его Царское Величество нашелъ себѣ ночной покой“.

Царь въ Гаагѣ.

Въ день, назначенный для аудіенціи, Царь одѣлся въ костюмъ простаго дворянина, состоявшій изъ голубого кафтана, обшитаго нѣсколькими золотыми галунами; на головѣ онъ имѣлъ большой русый парикъ, а шляпа была украшена бѣлыми перьями. За нимъ пришелъ *Витценъ*, который и провелъ его въ залъ, сосѣдній съ аудіенцъ-заломъ (Травескамеръ), чтобы оттуда Царь, оставаясь самъ незамѣченнымъ, могъ видѣть весь церемоніаль предстоившей аудіенціи. Такъ какъ прошло нѣкоторое время, а кортежъ еще не показывался у дворца, то Царь замѣтилъ: „это слишкомъ затягивается“. Его нетерпѣніе еще болѣе увеличилось, когда среди присутствующихъ сдѣлалось извѣстнымъ, что Царь находится въ сосѣдней комнатѣ и взоры всѣхъ стали устремляться въ эту комнату. Наконецъ Петръ рѣшилъ уйти, но такъ какъ въ этомъ случаѣ ему пришлось бы проходить чрезъ большой залъ, гдѣ уже собрались государственные чины, то онъ потребовалъ, чтобы всѣ тамъ находившіеся повернулись лицомъ въ сторону и не смотрѣли бы на него въ то время, когда онъ будетъ проходить. *Витценъ* на это замѣтилъ, что онъ не можетъ приказать Генеральнымъ Штатамъ, такъ какъ они являются представителями верховной власти въ государствѣ; но что онъ, во всякомъ случаѣ, попробуетъ просить ихъ объ этомъ. *Витценъ* такъ и сдѣлалъ и получилъ въ отвѣтъ: Генеральные Штаты могутъ подняться со своихъ мѣстъ, когда будетъ проходить Царь, но отнюдь не встать спиною къ Царю. Тогда *Петръ* повернулъ свой парикъ

задомъ напередъ, закрывъ имъ свое лицо, и поспѣшно направился чрезъ Травескамеръ и вестибюль и спустился внизъ.

Какъ долго оставался Царь въ Гаагѣ—намъ неизвѣстно. Дворъ и магистратъ этого города хотѣли дать нѣсколько чрезвычайныхъ празднествъ и увеселеній въ честь высокаго гостя; но это было вѣжливо отклонено. Поэтому ограничились тѣмъ, что приняли всѣ мѣры, чтобы показать Царю все, что имѣлось наиболѣе достопримѣчательнаго въ Гаагѣ.

Штатгальтеръ, король *Вильгельмъ* въ виду нахождения Царя при посольствѣ, прибылъ лично въ Гаагу и, оставляя въ сторонѣ этикетъ, имѣлъ здѣсь неоднократныя свиданія и бесѣды съ русскимъ Монархомъ.

11-го октября Петръ присутствовалъ на обѣдѣ, данномъ, въ честь русскаго посольства, дипломатическому корпусу двумя полномочными министрами, прибывшими въ Голландію по случаю заключенія Рисвикскаго мирнаго договора—Гейнзиусомъ ванъ-Веде *ванъ-Дейквелде* и Вильгельмомъ *ванъ-Гареномъ*. Царь явился сюда въ качествѣ одного изъ дворянъ, состоящихъ при русскомъ посольствѣ, и былъ посаженъ между *Витценомъ* и секретаремъ *Фагелемъ*. За обѣдомъ Петръ имѣлъ случай ближе познакомиться съ упомянутыми выше истинно государственными людьми—*ванъ-Веде* и *ванъ-Гареномъ*. Несложная организація канцеляріи Ихъ Высокомочій заслужила одобреніе Царя, и онъ просилъ секретаря Фагеля указать ему человѣка, способнаго реформировать Государственную Канцелярію въ Россіи. Нашелъ ли онъ тогда какое-либо подходящее для этого лицо—мы не знаемъ, но въ то же время намъ достоверно извѣстно, что впослѣдствіи названное государственное учрежденіе было переустроено именно по образцу голландскому.

Царь имѣлъ сильное желаніе познакомиться съ знаменитымъ инженеръ-генераломъ *ванъ-Кугоорномъ*. Мы не знаемъ, гдѣ именно это случилось—въ Гаагѣ или въ Амстердамѣ, но Царь встрѣтился съ нимъ и имѣлъ продолжительный разговоръ. И никто изъ знавшихъ этого замѣчательнаго человѣка, пользовавшагося такимъ уваженіемъ среди всѣхъ своихъ согражданъ, не будетъ удивляться, что сдѣланное ему *Петромъ* предложеніе—перейти на службу въ Россію, какъ ни было оно выгодно и почетно—все-таки было имъ отклонено.

Послѣ отказа генерала Кугоорна Царь, какъ говорили, хотѣлъ пригласить въ Россію сына его, Генриха Казимира, который, подобно отцу своему, также обладалъ глубокими математическими познаніями, но его расположеніе къ меланхоліи

было причиною, что дѣло разстроилось и приглашеніе не состоялось. Позже Кугоорнъ рекомендовалъ Петру нѣсколькихъ нидерландскихъ инженеровъ, въ числѣ которыхъ были: *Олт-юфъ*, *Гиксеніусъ* и *Вурманъ* или *Веерманъ*. *Шельмина*, въ качествѣ морского офицера перешедшій на русскую службу и о которомъ мы будемъ говорить ниже, былъ родственникомъ Кугоорна и, вѣроятно, имъ же и былъ рекомендованъ Царю. Если не ошибаемся, между *Петромъ* и *Кугоорномъ* позже установилась переписка. Два русскихъ князя, состоявшихъ, въ качествѣ добровольцевъ, при союзныхъ войскахъ въ первую кампанію войны за испанское наслѣдство и въ которыхъ Царь принялъ большое участіе, были особенно рекомендованы Кугоорну и сопутствовали ему въ продолженіе всего того времени, покуда его слабое здоровье позволяло ему нести всѣ тягости войны.

А. С. Лацинскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).